Честь имею (Интервью)

Валентин Саввич Пикуль
Вячеслав Огрызко

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

"На днях я собирался позвонить Валентину Саввичу Пикулю, обрадовать последними издательскими и журнальными новостями, но этому не суждено было состояться. Валентина Саввича не стало…

В последний раз мы встречались весной прошлого года. Вместе тогда отбирали письма из обширнейшей читательской почты Пикуля для сборника «Слово исповеди и надежды. Письма русским писателям» (он выходит в издательстве «Молодая гвардия»). В ту встречу мы много беседовали о его творчестве, о взглядах на русскую историю, о проблемах современности, собираясь подготовить большое интервью. Особое место в разговоре заняла тема воинского долга, может, потому, что сам писатель — потомственный военный, может, потому, что она в его творчестве — среди важнейших…"

- Валентин Саввич Пикуль
  - ○

Валентин Саввич Пикуль
Честь имею (Интервью)

На днях я собирался позвонить Валентину Саввичу Пикулю, обрадовать последними издательскими и журнальными новостями, но этому не суждено было состояться. Валентина Саввича не стало…

В последний раз мы встречались весной прошлого года. Вместе тогда отбирали письма из обширнейшей читательской почты Пикуля для сборника «Слово исповеди и надежды. Письма русским писателям» (он выходит в издательстве «Молодая гвардия»). В ту встречу мы много беседовали о его творчестве, о взглядах на русскую историю, о проблемах современности, собираясь подготовить большое интервью. Особое место в разговоре заняла тема воинского долга, может, потому, что сам писатель — потомственный военный, может, потому, что она в его творчестве — среди важнейших…

— Насколько сильной, на ваш взгляд, была в прошлом у России оборонная идея?

— Мне кажется, она была слабой по той причине, что русский человек жил, полностью уверенный в несокрушимости своего государства. И Крымская кампания явилась, по-моему, большой для нас неожиданностью. Может, только после Крымской кампании, прусско-датской войны 1864 года, прусско-австрийской кампании 1866 года, германо-французской войны 1870–1871 годов, когда под боком России выросло мощное военное образование, идеи оборонной доктрины обрели в нашей стране свое значение. Но здесь надо сказать о том, что доктрина эта была шаткой. Мы не обратили внимания на милитаризацию Японии, после чего проиграли кампанию 1904–1905 годов.

Если же говорить о совсем недавнем времени, я с детских лет запомнил только одно: враг не ждет, враг нападает, будьте бдительны. Увы, это никак нам не помогло. У нас чуть ли не до самого последнего времени пропагандировалось наступательное мышление. Чем это обернулось, вы сами знаете — отступлением в сорок первом году до самой Москвы.

— В вашем романе «Крейсера» есть такая сцена: начинается русско-японская война, надо воевать, как вдруг младший штурман Щепотьев пускается в пацифистские рассуждения. Собравшиеся в кают-компании офицеры, естественно, возмущены. Но, на мой взгляд, большинство их возражений свелось к эмоциям. Мне тоже отвратителен

поступок Щепотьева. Но я не могу принять такой аргумент его оппонента: «…мы носим мундиры не для того, чтобы болтать о философской природе войны». По-моему, это печально, что многим нашим офицерам недостает интереса к военной философии. А как вы считаете?

— Я на стороне кают-компании. Что было бы в 41-м году, если бы мы стали рассуждать о природе войны и гуманизма? Об этом надо говорить до войны. А когда гонг прозвучал — выбора нет.

Конечно, печально, что многие офицеры за последние десятилетия утратили интерес к военной философии. Мне, например, представляется, что философия войны лучше всего выражена у Франца Меринга. Я всегда с большим удовольствием читаю этого писателя марксистского толка, нежели Клаузевица. Как мыслитель мне нравится Фридрих Великий. Но в нашей военной среде труды названных мною авторов малоизвестны. И это неудивительно. Почти все они до недавнего времени хранились в закрытых фондах.

— Как вы объясняете сегодняшний расцвет пацифизма?

— Длительным застоем в развитии политической и экономической мысли страны, который сказался и на нашем вторжении в Афганистан, и на росте неуставных взаимоотношений в армии, и на серьезных просчетах в обеспечении защиты государства, — вспомните, например, разгильдяйство войск ПВО, прозевавших в нашем небе самолет Руста. Но, повторяю, это не значит, что во всем виновата только армия. Армия — часть государственного организма, и она была подвержена в эпоху застоя тем же болезням, что и все наше общество в целом.

— Думаю, здесь нелишне вспомнить ваш последний роман «Честь имею», посвященный судьбе офицера российского генштаба. Эта книга напоминает, что подобные ситуации, связанные с нападками на армию, уже случались в истории. В частности, пацифистские настроения были очень сильны в обществе после нашего поражения в русско-японской войне 1904–1905 годов. Размышляя о причинах резко негативного отношения к армии, ваш герой тогда пришел к мучительным сомнениям: «Не стала ли русская армия зеркалом того упадка, морального и политического, который разъедает нынешнюю Россию?»

— Но вы согласны с тем, что в своих размышлениях мой герой оказался прав?

— Да. И коль речь зашла об этом романе, хотелось бы узнать, что вкладываете вы в понятие офицерской чести. Не

кажется ли вам, что сегодня оно во многом размыто?

— Недаром же я назвал эту книгу «Честь имею», желая показать офицера старой русской армии, который сознательно делал карьеру, опираясь при этом на свои знания, волю, характер и благородство.

Боюсь, что сейчас офицерская честь существует в основном на словах. Многие сегодняшние офицеры, как мне кажется, не имеют той чести, которая была раньше. Хочу здесь напомнить слова главного героя моего романа, ставшего офицером разведки российского генштаба: «Если чиновник служит ради жалованья, военный человек служит ради чести, и плох тот офицер, который не желает стать генералом».

А теперь офицеры служат ради чего? Далеко не у всех есть высокая цель. Значительная часть военных сегодня не имеет никаких практических навыков, кроме зычного голоса. Раньше на офицера смотрели как на величину. Он прекрасно знал классическую литературу, несколько иностранных языков, умел музицировать, бывал почти на всех театральных премьерах. А сегодня офицеру некогда даже почитать. Это ненормальное положение, которое срочно надо выправлять.

— Как, на ваш взгляд, армия отстаивает перед пацифистами свое достоинство и свои традиции?

— Не самым лучшим образом. Чаще преобладают эмоции, нежели серьезные аргументы. Защитникам оборонного мышления зачастую не хватает основательных знаний по военной философии и психологии. Я уже не говорю о том, что у нас, за небольшим исключением, нет популярных произведений о современной армии.

К сожалению, сейчас позабыты многие традиции нашей армии. В прошлом практически каждый офицер стремился к познанию своих корней. Многие вели летопись своего рода.

— Знаю, что вы были в числе тех, кто с самого первого дня неодобрительно отнесся к нашему вводу войск в Афганистан. Почему?

— Я много занимался XVIII веком. А это был век непрерывных войн с турками. Естественно, мне приходилось описывать турецкую армию и изучать мусульманскую религию. Так у меня выработался профессиональный интерес не только к вчерашним, но и сегодняшним делам Востока. Я читаю все сообщения о том, что происходило и происходит в Иране, Ираке, Афганистане.

На мой взгляд, ввод наших войск в Афганистан был с самого начала авантюрой. Политики, принимавшие решение, видимо, плохо знали историю. Англия не раз пыталась вооруженным способом вмешаться в дела нашего южного соседа, но в конечном

счете ее вторжение закончилось выплатой Афганистану огромных контрибуций.

Я считаю, дипломатия должна быть тесно связана с историей. Думаю, никогда не случится крупных ошибок, если дипломаты и политики, принимая ответственные решения, будут хорошо знать предысторию событий.

— Так что вы больше любите: военную историю или проблемы дипломатической политики?

— Больше всего люблю все же историю дипломатии. Я считаю дипломата интеллектуальным острием государственной мысли. Именно он первым принимает удар на себя и первым его отражает. В дипломатах старой школы меня прельщают и острота ума, и высокий интеллект. Но, по-моему, этих качеств недостает многим сегодняшним дипломатам.

— С кем из военачальников вы общались с удовольствием?

— С мальчишеских лет, уже приведенным к присяге, запомнил доброе отношение командира эсминца «Грозный», на котором я плавал, Никифорова.

В последние годы хорошую память оставили у меня встречи с адмиралами Алексеевым и Егоровым, которые последовательно возглавляли Главный штаб Военно-Морского Флота. Мне было приятно встретить в них исторически образованных людей. А в вопросах истории русского флота я считаю их просто большими знатоками.

Когда мы с Егоровым познакомились, я только подступал к роману «Три возраста Окини-сан». Адмирал с грустью говорил о том, как плохо у нас разработана история флота. Ученые отрицали, например, героизм адмирала Рожественского в русско-японской войне 1904–1905 годов. А Егоров считал, что подвиг Рожественского даже сегодня, при современном состоянии флота и большом автономном плавании, повторить трудно.

Запомнились и разговоры о Колчаке. У нас до сих пор его рисуют только одной — черной краской. Мы почти не знаем Колчака как минера, флотоводца и полярного исследователя, а он в любой из этих областей был крупнейшим специалистом.

Я расскажу вам такой случай. Однажды глава нашего правительства Косыгин, отдыхая на Рижском взморье, прочитал мой роман «Моонзунд», где выведены адмиралы Колчак и Эссен. Встретившись затем с командованием Балтийского флота, он посоветовал нашим флотоводцам обратиться к «Моонзунду». Косыгин тогда сказал, что если бы мы в сорок первом году имели таких адмиралов, как Эссен и Колчак, то у нас не было бы ни приснопамятного таллиннского перехода, ни ленинградской

блокады. И это правда. Правда и то, что в августе четырнадцатого года Эссен и Колчак сделали все, чтобы преградить немцам путь к Петрограду, чего не догадались в сорок первом году сделать адмирал Трибуц и другие военачальники.

— Всегда ли армия и флот пускали вас в те сферы своего влияния, к которым вы проявляли творческий интерес?

— Флот никогда препятствий мне не чинил, а, наоборот, всегда оказывал поддержку. Думаю, для этого были веские основания. Я в своих романах давал достоверные материалы для понимания малоизвестных событий из истории флота.

Сейчас я пишу роман о Сталинградской битве (писатель успел этот роман завершить, в будущем году его печатает журнал «Наш современник». — В. О.), в котором меня интересует прежде всего проблема большой политики и большой стратегии. Думаю, что даже из архивов я не смогу узнать что-то такое, что мне неизвестно. Единственный вопрос, который меня волнует, трагический конец Барвенковской операции, возглавляемой маршалом Тимошенко. К сожалению, именно эта трагедия определила выход немецкой армии к Волге. Тимошенко оставил возле Барвенкова 480 тысяч наших солдат. Пожалуй, это единственный сейчас момент, который бы желательно уточнить с помощью архивов. А с другой стороны, я понимаю, что многие архивы для меня закрыты, и поэтому в работе мне предстоит опираться в основном на тот запас отечественной и мировой литературы, которым я обладаю.

— Чего сегодня недостает нашему оборонному сознанию?

— Я не специалист, и мне трудно говорить на эту тему в деталях. Скажу только одно: сегодня наше оборонное мышление должно созидаться без лозунгов и не по тем трафаретам, которые у нас существовали.

— Многие читатели поражены вашей работоспособностью и плодотворностью. Трудно представить, как вы смогли за 36 лет литературного труда написать свыше двадцати романов, я не говорю уже о произведениях других жанров. В литературных кругах постоянно циркулируют слухи о том, будто вам кто-то помогает.

— Честно говоря, мне не привыкать к слухам. В свое время, когда вышел мой первый роман «Океанский патруль», директор Ленинградского отделения издательства «Советский писатель» Досковский, выступая на одном из совещаний в Смольном, сказал, что у Пикуля — отец адмирал и это он за него написал роман. Но мой «адмирал», как потом узнал Досковский, погиб в морской пехоте, защищая Сталинград.

Потом в литературных кругах ходила другая версия, будто

моя мать, смолянка, работает в архиве и приносит мне домой редчайшие документы. Но когда и эта версия лопнула, был пущен слух о том, что я, мол, женат на бывшей дворянке — очень образованной женщине, которая учит меня писать романы.

А какая сейчас версия ходит — простите, не знаю.

— Считаете ли вы себя художником?

— Считаю. Мне для написания даже какого-то незначительного события в истории приходится перелопатить иногда груды документального материала, весьма сухого и невыразительного. После чего начинается осмысление прочитанного. А затем фантазия подсказывает мне картину происходившего. И вот эту увиденную картину я перевожу на бумагу.

Дело доходит до того, что я иногда даже слышу шелест одежд и голоса своих героев.

Когда же я пишу диалог, то непременно обыгрываю его в лицах. Читаю разными голосами. Жестикулирую. Словом, веду себя как актер. Потому что прочитанное только глазами не дает мне правильного представления об интонации.

Уверен, я не состоялся бы как литератор, если б не был увлечен живописью. Работая над романами, я во многом исхожу из картин и не стыжусь в этом признаться. Кстати, вам известно, что Лев Толстой при написании «Войны и мира» многие сцены буквально брал из гравюр 1812 года? Для меня имеет большое значение увидеть героя в лицо. Скоро уже сорок лет, как я занимаюсь собиранием иконографической коллекции, и работа над портретом очень помогает мне при создании исторических характеристик.

— Все ли вам удавалось?

— Мне не удался первый роман «Океанский патруль», который считаю своей большой неудачей. После его публикации я испытал состояние долгой депрессии. И все мои попытки работать в теме современности ни к чему доброму не привели. Считаю, что как писатель я начался с исторического романа «Баязет». С него я и веду свою литературную биографию.

— В своих романах вы не раз ниспровергали официальные версии на различные исторические события. Как реагировали на это историки?

— По-разному. Многие до сих пор не согласны, например, с разоблачением мифа о «потемкинских деревнях». Хотя я документально доказал, что это ложь. «Потемкинские деревни» придумал Георг фон Гельбиг — секретарь саксонского посольства в Петербурге. Его фальсификация была опубликована в то время, когда Наполеон всех побеждал, и потому осталась сначала

незамеченной. Ее извлекли из небытия, когда страсти улеглись и в Европе воцарился мир. Тогда за рубежом и воскликнули: смотрите, в России — потемкинские деревни. Неслучайно другая книга Гельбига — «Русские избранники» — в России была запрещена и вышла на русском языке только в Берлине в 1900 году.

Нелегкой оказалась дорога к читателю у романа «Крейсера». Когда книгу объявила к печати «Роман-газета», главного редактора этого издания В. Н. Ганичева вызвали в Центральный Комитет партии к заместителю заведующего отделом В. Н. Севруку и предложили публикацию отложить. Поводом послужили обращения во все инстанции сына адмирала Кладо. Его отец после революции поступил на службу к большевикам, и сын полагал, что уже одно это обстоятельство должно оберегать адмирала от какой-либо критики. А я в своем романе говорил о том, что Кладо, удравший с эскадрой в разгар решающих событий, в какой-то степени ответствен за цусимское поражение. И надо отдать должное настойчивости и мужеству Ганичева, не отступившего от своего решения напечатать «Крейсера» в «Роман-газете».

К сожалению, наши историки и редакторы чаще доверяют авторитетам, нежели первоисточникам. Так было и с моими романами об эпохе Наполеона. Историки сверяли приведенные в моих книгах факты по монографиям Тарле и Манфреда — двух бонапартистов. Конечно, мои оценки не совпадали с трактовками Тарле. Но знаете, сколько сил потребовалось затратить на то, чтобы отстоять собственное мнение!

— Какие официальные версии на исторические события предстоит, на ваш взгляд, пересмотреть?

— Их полно — какую только эпоху ни возьмем! Вот, например, столыпинская реформа. Я считаю, что это было блистательное предвидение в экономическом развитии России. И, думаю, нам еще предстоит переоценка личности Столыпина.

— Приходилось ли вам идти на компромиссы, изменять своим убеждениям?

— Приходилось, но по нужде. Могу привести примеры. Когда готовился к печати мой первый роман «Океанский патруль», умирал Сталин, и редактор Хрущовский был убежден, что именно теперь пришло время отразить роль Сталина. Я сказал редактору, что этого делать не умею. И что же вы думаете? Тогда он сам взял и написал за меня случай со сталинской трубкой. Или вот другой пример. Известный ленинградский издатель Д. Хренков дал согласие опубликовать мой роман «Три возраста Окини-сан». А там есть такой эпизод, как в семнадцатом году

жена расходится с мужем. Хренков решил, что именно здесь надо ввести образ Ленина. А когда я отказался, он сделал это сам.

У меня же в обоих случаях не хватало решимости настоять на своем и запретить издание романов с редакторскими вставками. Так что и рад назвать себя безгрешным, да не могу.

— Почему многие свои произведения вы называете историческими миниатюрами?

— А почему Гоголь назвал «Мертвые души» поэмой? Бывает, что о каком-то герое посмотришь литературу, объема которой хватает для написания романа. Но писать роман некогда. И тогда я весь добытый мною материал сжимаю до нескольких страниц. Вот это и есть миниатюра.

— Знаю, что вы закончили новый роман. К моему удивлению, он, оказывается, вовсе не исторический, а посвящен женской судьбе. Чем объясняется смена ваших интересов?

— Сейчас назрели вопросы морали и нравственности, в частности отношения сильного пола к слабому. Мы с введением женской эмансипации сами не заметили, что во многом ущемили женщину как предмет нашего поклонения и нашей любви и объект для выражения собственного благородства. Пожалуй, именно это и заставило меня обратиться к теме женской любви в том проклятом случае, когда она отвергнута любимым человеком.

— Какой вопрос вам журналисты еще никогда не задавали, но который хотелось бы услышать?

— Счастлив ли я?

— И как бы вы ответили?

— Счастлив. Многое в жизни писателя зависит от того, какая ему досталась жена. Мне в этом смысле повезло.

Я женился второй раз по расчету. Был одинок. Болен. Имел много творческих замыслов, но работать было чрезвычайно сложно. Постоянно отвлекали самые обыденные обстоятельства: кухня, стирка, магазины. И в этот трудный момент я встретил Антонину Ильиничну. Она принесла мне книги для работы, а я ей — предложение. И теперь не жалею. Я полюбил ее и счастлив.

Беседу вел Вячеслав Огрызко